
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

А.И. Рарог

*доктор юридических наук, профессор,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина*

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОРГАНИЗОВАННУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ

В статье организованная преступность рассматривается как сложное социально-правовое явление, которое подвергается серьезным научным исследованиям в плане сущности, признаков, структуры и мер противодействия. Показан многоаспектный характер организованной преступности, обуславливающий как общие направления противодействия данному явлению, так и специфические формы воздействия на отдельные ее виды. Подчеркивается большое значение уголовно-правовых средств. Раскрываются актуальные проблемы противодействия организованной преступности через призму действия ч. 3–6 ст. 35, ст. 208–210 УК РФ. Отмечены недостатки законодательной формулы, в том числе приравнивание по степени общественной опасности реально совершенного теракта к угрозе его совершения (ч. 1 ст. 205 УК). Показано, что формулировка цели теракта существенно сужает сферу применения данной нормы, поскольку многие теракты совершаются из экстремистских побуждений и не преследуют достижения указанной в законе цели. Отражены спорные моменты относительно нормы о содействии террористической деятельности (ст. 205¹ УК). Рассмотрены проблемы реализации уголовного закона в контексте Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ, принципиально меняющего отношение законодателя к роли пособника. При характеристике механизма противодействия коррупционной преступности отмечена целесообразность учета принципа соответствия между степенью общественной опасности участника коррупционных схем и размером установленного за это наказания.

Ключевые слова: преступность; организованная преступность; коррупционная преступность; противодействие организованной преступности.

A.I. Rarog

*Doctor of Law, Professor,
Moscow State Law University of O.E. Kutafin*

CRIMINAL MEANS OF INFLUENCE ON ORGANIZED CRIME

The article considers organized crime as a complex social and legal phenomenon that is seriously studied. These studies are aimed at organized crime's essence, its characteristics, structure and countermeasures. The author presents multi aspect character of organized crime that defines general countermeasures as long as specific ones aimed at its particular types. The article emphasizes importance of criminal and legal measures. It reveals current issues of organized crime counteraction in terms of The Criminal Code of the Russian Federation, parts 3–6, art. 35, 208–210. The author marks weaknesses of legislative language (including setting terroristic act commitment equal to threat of its commitment in terms of social danger (The Criminal Code of the Russian Federation, part 1, art. 205)). The article reveals that defining the purpose of a terroristic act narrows the field of this regulation's application, since many terroristic acts are committed on extremist motives and do not have the purpose provided by the law. The article presents some issues related to regulation on assisting a terroristic act (The Criminal Code of the Russian Federation, part 1, art.

205). The author studies problems of criminal law implementation in terms of the Federal Law of the Russian Federation No. 352-FZ dated 9 December 2010. This law crucially changes legislator's attitude to the role of an accomplice. Describing corruption crime counteraction mechanism, the author considers it reasonable to take into account the correlation between corruption criminal's social danger level and amount of penalty.

Key words: crime; organized crime; corruption crime; organized crime counteraction.

Организованная преступность – это весьма сложное социально-правовое явление, которое подвергается серьезным научным исследованиям в плане сущности, признаков, структуры и мер противодействия [1; 2; 4–6]. Организованная преступность многослойна, многолика, многоаспектна. Она состоит из множества относительно автономных элементов. Поэтому криминология разрабатывает не только общие направления противодействия этому явлению, но и специфические формы воздействия на отдельные виды организованной преступности.

Среди многих средств воздействия на организованную преступность важное место занимают уголовно-правовые средства [10, с. 23]. От качества уголовного закона в немалой степени зависит эффективность противодействия организованной преступности [9, с. 95]. В арсенале уголовного законодательства можно видеть как общие нормы, направленные на борьбу с организованной преступностью, так и специальные нормы противодействия отдельным формам такой преступности.

Блок общих уголовно-правовых средств противодействия организованной преступности составляют ч. 3–6 ст. 35, а также ст. 208–210 УК РФ. К качеству данных норм особых претензий нет, хотя вряд ли можно признать их безупречными, поскольку понятие преступного сообщества в части его целей не совпадает в ч. 4 ст. 35 и в ч. 1 ст. 210 УК. Гораздо больше претензий вызывают уголовно-правовые нормы, предназначенные противодействовать конкретным видам организованной преступности: экономической, террористической, экстремистской, коррупционной, незаконному обороту наркотиков и оружия, торговле людьми и эксплуатации проституции и т.д.

В первую очередь это касается норм о терроризме, а конкретно – о дифференцированном подходе к наказанию главных и второстепенных участников террористической деятельности как разновидности организованной преступности. Прежде всего, необходимо отметить два недостатка ст. 205 УК о террористическом акте.

Во-первых, вряд ли можно одобрить приравнивание по степени общественной опасности реально совершенного теракта к угрозе его совершения (ч. 1 ст. 205 УК). Во-вторых, формулировка цели теракта существенно сужает сферу применения данной нормы, поскольку многие теракты совершаются из экстремистских побуждений и не преследуют достижения указанной в законе цели [8, с. 86–89]. Кроме того, много вопросов вызывает норма о содействии террористической деятельности (ст. 205¹ УК).

И в дореволюционном, и в советском, и в современном российском уголовном законодательстве нормы, составляющие институт соучастия в преступлении, не дифференцировали наказание соучастников в зависимости от роли, выполняемой ими при совершении преступного деяния. Однако в теории уголовного права многими учеными отмечалось, что выполняемая пособником роль является второстепенной, вспомогательной по отношению к исполнителю [1, с. 511].

В отличие от всех предыдущих российских уголовных законов Уголовный кодекс Российской Федерации прямо закрепил более терпимое отношение законодателя к роли пособника по сравнению с другими соучастниками преступления. Организатор преступления и подстрекатель к преступлению не подлежат уголовной ответственности, если они своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до конца, пособник же не подлежит уголовной ответственности при том достаточном условии, что он предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления (ч. 4 ст. 31), даже если ему этого сделать и не удалось.

Федеральным законом от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ в УК РФ включена норма, принципиально меняющая отношение законодателя к роли пособника: ст. 205¹ устанавливает ответственность за пособничество совершению преступления, предусмотренного ст. 205 УК (террористический акт).

В связи с этим возникает несколько вопросов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение. Во-первых, более чем сомнительна социальная и юридическая обусловленность придания действиям пособника (как одного из соучастников) значения самостоятельного состава преступления, тем более что пособничество применительно к ч. 3 ст. 205¹ УК в Примечании 1 к данной статье определяется точно так же, как и в ч. 5 ст. 33 УК.

Во-вторых, новая норма породит неизбежную конкуренцию с ч. 1 ст. 205¹ УК, в которой предусмотрены такие разновидности пособничества совершению преступлений террористического характера, как вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из преступлений террористического характера (в том числе и террористического акта) либо финансирование терроризма.

В-третьих, совершенно непонятно, в чем состоит повышенная опасность данного преступления по сравнению с формами пособничества, указанными в ч. 1 ст. 205¹ УК, влекущими по закону наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет.

В-четвертых, невозможно объяснить, по каким соображениям законодатель установил более строгое наказание для пособника (от 8 до 20 лет лишения свободы), если исполнитель того же преступления (террористического акта) подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет.

Продолжая разговор о видах организованной преступности, следует коснуться и такого ее элемента, как коррупционная преступность. Нормативную основу уголовно-правового противодействия коррупционной преступности составляют статьи УК РФ о взяточничестве. В этих, как и других антикоррупционных нормах, тоже должен строго соблюдаться принцип соответствия между степенью общественной опасности участника коррупционных схем и размером установленного за это наказания. Включение в УК РФ ст. 205¹ стало лишь первым ударом по принципу более снисходительного отношения к пособнику, чем к иным соучастникам преступления.

Второй удар по этому принципу нанесло дополнение УК РФ ст. 291¹. Состав посредничества во взяточничестве в 1962 г. был включен в Уголовный кодекс РСФСР (ст. 174¹), но в УК РФ ему не нашлось места, поэтому посредничество во взяточничестве стало квалифицироваться как соучастие либо в получении, либо

в даче взятки. Но после 15 лет такой практики было решено вернуться к почти забытому составу посредничества во взяточничестве. Это, конечно, право законодателя.

Легальное решение должно быть корректным, а этого в составе посредничества во взяточничестве мы не наблюдаем, поскольку включение ст. 291¹ в УК РФ было осуществлено с нарушением требования системности уголовного закона.

Во-первых, криминализовав посредничество во взяточничестве, законодатель не сделал того же применительно к такому коррупционному преступлению, как коммерческий подкуп (он нередко именуется коммерческой взяткой).

Во-вторых, при значительном размере взятки посредничество во взяточничестве (ч. 1 ст. 291¹ УК РФ) почему-то наказывается строже (до 5 лет лишения свободы), чем собственно дача взятки (ч. 2 ст. 291 УК РФ – до 3 лет).

В-третьих, при крупном размере взятки посредничество во взяточничестве (как и получение взятки) наказывается лишением свободы на срок от 7 до 12 лет (п. «б» ч. 3 ст. 291¹ УК РФ), тогда как дача взятки – лишением свободы на срок от 5 до 10 лет (п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ).

В-четвертых, обещание или предложение посредничества во взяточничестве (независимо от наличия или отсутствия квалифицирующих признаков) наказывается лишением свободы на срок до 7 лет, тогда как реальное посредничество при отсутствии квалифицирующих признаков вообще не наказуемо, а при значительном размере взятки наказывается лишением свободы максимум на 5 лет. Такая «дифференциация» наказания указывает на то, законодатель совершенно запутался в оценке степени опасности посредничества во взяточничестве, как и его обещания или предложения, по сравнению с опасностью дачи или получения взятки [3, с. 104].

Таким образом, включение в ст. 205¹ УК РФ ч. 3 с установлением за пособничество совершению преступлений террористического характера более строгого наказания, чем за непосредственное исполнение теракта, а также дополнение ст. 291¹ УК РФ ч. 5, предусматривающей более строгое наказание для посредника, чем для взяткодателя, следует рассматривать как законотворческие ошибки, которые подрывают основные положения ин-

ститута соучастия и порождают ряд неразрешимых теоретических проблем и сложностей в правоприменительной практике.

Вместе с тем необходимо отметить наличие недостатков уголовно-правовых норм о таких видах организованной преступности, как экс-

тремистская деятельность, торговля людьми и эксплуатация проституции и т.д. Указанные нормы также нуждаются в совершенствовании для более эффективного уголовно-правового воздействия на соответствующие элементы организованной преступности.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права / А.Ф. Бернер. – СПб., 1865. – Т. 1 : Часть Общая. – 941 с.
2. Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву / Ф.Г. Бурчак. – Киев, 1969. – 169 с.
3. Грошев А.В. Антикоррупционные новеллы уголовного законодательства Российской Федерации (критический анализ) / А.В. Грошев // Современные проблемы уголовной политики. – Краснодар, 2011. – Т. 2. – С. 104–106.
4. Долгова А.И. Организованная преступность как специфическое социальное явление и его тенденции в России / А.И. Долгова // Организованная преступность. – М., 1998.
5. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. – М., 1997. – 525 с.
6. Организованная преступность, терроризм и коррупция : криминол. ежекв. альм. – М. : Юрист, 2003. – Вып. 1. – 159 с.
7. Савенко И.А. Изменения в законодательстве по преступлениям коррупционной направленности / И.А. Савенко // Современные проблемы уголовной политики. – Краснодар, 2011. – Т. 2. – С. 116.
8. Саркисов Д.Н. Уголовно-правовые средства противодействия экстремизму : дис. ... канд. юрид. наук / Д.Н. Саркисов. – М., 2010. – 196 с.
9. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П.Ф. Тельнов. – М., 1974. – 208 с.
10. Шаргородский М.Д. Вина и наказание в советском уголовном праве / М.Д. Шаргородский. – М., 1945. – 56 с.

REFERENCES

1. Berner A.F. Criminal law study book: Vol. 1 : General part. [Uchebnik ugovnogo prava. T. 1 : Chast' Obshhaja]. Saint-Petersburg, 1865, 941 p.
2. Burchak F.G. Theory of accompliceship according to the Soviet Criminal law. [Uchenie o souchastii po sovetскому ugovnomu pravu]. Kiev, 1969, 169 p.
3. Groshev A.V. Anti-corruption novels of criminal legislation of the Russian Federation (critical analysis). Vol. 2. [Antikorrupcionnye novelly ugovnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii (kriticheskij analiz). T. 2]. *Sovremennye problemy ugovnoy politiki – Current problems of criminal policy*, Krasnodar, 2011, pp. 104–106.
4. Dolgova A.I. Organized crime as a specific social phenomenon and its tendencies in Russia. [Organizovannaja prestupnost' kak specificheskoe social'noe javlenie i ego tendencii v Rossii]. *Organizovannaja prestupnost' – Organized crime*, Moscow, 1998.
5. Luneev V.V. XX Century crime: global, regional and russian tendencies. [Prestupnost' XX veka: Mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii]. Moscow, 1997, 525 p.
6. Organizovannaja prestupnost', terrorizm i korrupcija: kriminologicheskij ezhekvar'tal'nyj al'manah – Organized crime, terrorism and corruption: criminology quarterly almanac, Moscow, Jurist, 2003, no. 1, 159 p.
7. Savenko I.A. Regulatory developments on corruption crime. Vol. 2. [Izmeneniya v zakonodatel'stve po prestuplenijam korrupcionnoj napravlenosti. T. 2]. *Sovremennye problemy ugovnoy politiki – Current problems of criminal policy*, Krasnodar, 2011, p. 116.
8. Sarkisov D.N. Extremism criminal and legal countermeasures. Dissertation. [Ugovno-pravovye sredstva protivodejstviya jekstremizmu : dis. ... kand. jurid. nauk]. Moscow, 2010, 196 p.
9. Tel'nov P.F. Responsibility for criminal complicity. [Otvetsvennost' za souchastie v prestuplenii]. Moscow, 1974, 208 p.
10. Shargorodskij M.D. Guilt and punishment in the Soviet criminal law. [Vina i nakazanie v sovetском ugovnom prave]. Moscow, 1945, 56 p.

Сведения об авторе

Рарог Алексей Иванович – заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Москва; e-mail: alek.rarog@yandex.ru.

About the author

Rarog Aleksey Ivanovich – Head of Department of Criminal law of Moscow State Law University of O.E. Kutafin, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Moscow; e-mail: alek.rarog@yandex.ru.